

Смущённый, он поспешно прикрыл свои интимные места.

— Я убил несколько кинжалом, а одного задушил ладонью, всех перебил.

Видя, что Хо Линьфэн не реагирует, добавил:

— Вой волков был слышен даже в Округе Ханьчжоу...

Хо Линьфэн не выдержал:

— Не скромничай, он был слышен даже в Сайбэе, нарушив сон моего отца.

Жун Лоюнь принял насмешку за комплимент, потёрся головой о его плечо, затем посмотрел на рану на животе. Три-четыре шрама, неизвестно, останутся ли следы. Затем мельком взглянул на грудь и тихо пробормотал:

— Её растёрли до красноты.

Рука, наносящая лекарство, замерла. Хо Линьфэн почувствовал волнение:

— Тебе было приятно, когда я тебя растирал?

Жун Лоюнь покраснел:

— Неприятно.

Хотя он отрицал, в душе он вспоминал ощущения от растирания, и это заставило его расслабиться. Затем он прислонился к нему и честно признался:

— Приятно.

Жители Сайбэя любят задавать вопросы, и Хо Линьфэн снова спросил:

— Что приятнее — когда я тебя растираю или когда целую?

Жун Лоюнь тихо ответил:

— Всё приятно.

Ему стало так стыдно, что он прикрыл лицо уголком полога и добавил еле слышно:

— Когда и растираешь, и целуешь одновременно — самое приятное...

Чёрт возьми, — Хо Линьфэн прошептал, — видимо, горячая вода разбудила в нём страсть.

Он перевязал раны марлей, затем выбрал для Жун Лоюня чистую ночную рубашку.

Жун Лоюнь натянул её на себя. Она была слишком большой, и рукава пришлось закатать. Он лёг, укрывшись белоснежным шёлковым одеялом, и лишь его уставшие глаза были видны. Несколько раз моргнув, он тихо закрыл их.

Он заснул так быстро, словно ребёнок, который после целого дня беготни сразу же засыпает на кровати.

Хо Линьфэн сидел у кровати, дождавшись, пока тот уснёт, и только тогда вышел из комнаты.

— Собери грязную одежду и прикажи повару приготовить еду, — сказал он Ду Чжэну. — Пошли кого-нибудь сообщить в Дворец Буфань, чтобы они не беспокоились. Слуги в главном дворе не должны заходить в комнату, ты сам позаботься о нём.

В этот момент подбежал охранник:

— Генерал, к вам прибыл глава Округа Ханьчжоу.

Несколько дней назад он пригласил его на встречу, но не ожидал, что тот приедет именно сегодня. Хо Линьфэн поспешил встретить его. Покинув главный двор, он быстрым шагом дошёл до главного зала, где увидел Шэнь Чжоу, сидящего в кресле.

Он слегка кашлянул:

— Господин Шэнь, вы долго ждали.

Шэнь Чжоу поднял глаза и замер:

— Ты...

Хо Линьфэн улыбнулся:

— Я Хо Линьфэн, настоящий.

Шэнь Чжоу, едва не споткнувшись, был поддержан им, и тут он вспомнил и удивился. Хо Линьфэн отослал слуг и кратко объяснил:

— Тогда я расследовал дела в мире боевых искусств и не мог раскрывать свою личность, прости, брат Шэнь.

Шэнь Чжоу постепенно пришёл в себя и поклонился:

— Генерал, вы слишком любезны.

Хо Линьфэн лично налил чай:

— Когда-то мне помог ваш отец, и, узнав, что вы переехали в Округ Ханьчжоу, я захотел встретиться.

Шэнь Чжоу смущённо ответил:

— Мой отец восхищался преданностью вашей семьи, генерал, вам не нужно благодарить.

Как раз он, переехав в Округ Ханьчжоу, также хотел встретиться с ним, поэтому, получив письмо, приехал с визитом.

Они долго беседовали, и, несмотря на разницу в профессиях, нашли общий язык, пользуясь тем, что император далеко, и говорили откровенно. В ходе разговора, когда речь зашла о бедствии в Округе Ханьчжоу, Хо Линьфэн осторожно затронул эту тему.

— Цзя Яньси был арестован вами? — удивился Шэнь Чжоу. — И ещё вы предоставили обвинительные документы и бухгалтерские книги, что очень помогло мне.

Хо Линьфэн не хотел присваивать себе заслуги:

— Я лишь немного помог, главный — другой человек.

Говоря это, он невольно улыбнулся.

— Ему сейчас нужно отдохнуть, а вы, брат Шэнь, после долгой дороги тоже нуждаетесь в отдыхе, завтра мы продолжим беседу.

Шэнь Чжоу встал. Его слуги уже ждали в гостинице, и он собирался попрощаться. Не оставаться на ночь было жестом избегания подозрений, Хо Линьфэн это понимал, поэтому лично проводил его до ворот.

Наступил полдень. Хо Линьфэн вернулся в главный двор под ярким солнцем, где в небольшом зале уже был накрыт стол.

Он вошёл в спальню, сквозь полог увидел позу спящего Жун Лоюня, подошёл ближе, откинул полог и тихо сел рядом. Не в силах удержаться, он протянул руку под одеяло, ощущая, как живот Жун Лоюня поднимается и опускается в такт дыханию.

Марля была сухой, раны не кровоточили.

Он заколебался: двигать ли руку вверх или вниз?

Верх уже был растёрт до красноты, значит, нужно вниз.

Хо Линьфэн уже собирался действовать, как услышал тихий стон. Жун Лоюнь, сонный, посмотрел на него. Возможно, от жары на его носу выступили капли пота.

— Проснулся? — он вынул руку, притворяясь, что ничего не делал. — Ты голоден? Пойдём поесть?

Жун Лоюнь вдруг сказал:

— Гора Лэнсан ужасна, на других горах не так много зверей.

Хо Линьфэн улыбнулся:

— В следующий раз, когда пойдёшь тренироваться в горы, я пойду с тобой.

После паузы Жун Лоюнь спросил:

— А если ты снова не захочешь меня видеть?

Он схватил его за воротник, с искренним выражением лица.

— На самом деле я сам могу спуститься с горы, но я хотел посмотреть, будешь ли ты заботиться обо мне. Эти дни я много думал...

Хо Линьфэн молча слушал, затем мягко спросил:

— О чём ты думал?

Жун Лоюнь ответил:

— Раньше ты всегда был инициатором, а эти дни ты меня избегал, и я почувствовал, каково это

— быть отвергнутым. Я скучал по тебе, не разбираясь, по Ду Чжуну или Хо Линьфэну, я скучал по тебе как по человеку.

Застряв в пещере, он словно вырвался из тупика, но не мог объяснить это словами.

Хо Линьфэн наклонился над ним, гладя его волосы.

— Лоюнь, больше этого не будет, — сказал он. — У меня есть слова, которые я долго готовил, ещё до того, как раскрыл свою личность.

Жун Лоюнь спросил:

— Какие?

Хо Линьфэн серьёзно ответил:

— Я Хо Линьфэн, вырос в Сайбэе, вырос на поле боя, и, впервые попав в Цзяннань, я очень нервничал. Встретить тебя было ожидаемо, обмануть тебя было частью плана, а полюбить тебя стало величайшей неожиданностью.

Он поцеловал Жун Лоюня в лоб.

— Я служил, получал ранения, но впервые в жизни я попробовал любовь.

— Используя Ду Чжуна, я хотел завоевать твоё сердце, но на самом деле я мечтал услышать, как ты назовёшь меня «генералом».

Он с сожалением улыбнулся.

— Вернувшись к роли Хо Чжуна, я могу командовать войсками, реализовывать амбиции, жить в роскоши и командовать людьми. Но для тебя я готов одевать, мыть волосы, кормить и вытирать губы, и это никогда не изменится.

Рука, державшая его за воротник, уже отпустила и обвила его шею.

Хо Линьфэн спросил:

— Жун Лоюнь, ты хочешь быть со мной всегда?

Жун Лоюнь кивнул:

— Хочу.

Хо Линьфэн добавил:

— Поцелуй меня, поставь печать господина дворца.

Объятие за шею превратилось в крепкие объятия. Жун Лоюнь поднял лицо и поцеловал его в губы. Через одеяло он прижал его к себе, целуя то нежно, то страстно, боясь потерять контроль, ища баланс в поцелуе.

Когда их губы разомкнулись, Жун Лоюнь тяжело дышал, словно после тяжёлой раны. Наконец успокоившись, он с сожалением сказал:

— Жаль, что всё разрушено, цветочный чан пропал.

Хо Линьфэн ответил:

— Купим новый.

Он добавил:

— Ручной фонарь сломался.

Хо Линьфэн сказал:

— Сделаем новый.

Он продолжил:

— Воздушный змей разорвался.

Хо Линьфэн ответил:

— Сделаем ещё один.

Перечислив всё, Жун Лоюнь с сожалением покачал головой:

— Записка разорвалась на кусочки.

Только он это сказал, как Хо Линьфэн взял его руку и поднёс к подушке, где его пальцы коснулись чего-то.

Он вытащил записку, которая была разорвана на кусочки, но теперь склеена. Он смотрел на неё, не в силах сказать ни слова, и лишь упал в объятия Хо Линьфэна.

Долгое время они молчали, пока Ду Чжэн не постучал в дверь, приглашая их к столу. Хо Линьфэн честно признался:

— Этот парень уговорил меня применить тактику «притворись, чтобы поймать», и я послушал.

Жун Лоюнь тихо рассмеялся:

— Впредь не используй тридцать шесть стратагем против меня.

Затем он надел лёгкую рубашку, спустил ноги с кровати и сделал несколько шагов, внезапно остановившись.

Хо Линьфэн смотрел на него, не понимая.

Жун Лоюнь пробормотал:

— ...Но «стратагему красавца» можно.

Генерал Хо вздрогнул. Неужели сегодня вечером уже пора?

После полудня было жарко, но сад в резиденции генерала был прохладен.

Ду Чжэн был занят: то принося чай и фрукты, то беря бумагу и чернила, полностью обустроив

беседку. Осмотревшись, он увидел, что молодой господин бродит по саду, словно собираясь что-то разрушить.

А рядом с ним стоял этот губительный красавец Жун Лююнь, который сейчас не кричал и не угрожал, а выглядел даже немного послушным.

Это был самый большой сад в резиденции, с десятками видов растений и множеством цветов. После еды Хо Линьфэн и Жун Лююнь решили прогуляться, чтобы переварить пищу, и заодно найти материал для нового ручного фонаря.

Кипарис был слишком толстым, персиковое дерево символизировало удачу и его нельзя было рубить, камелии и красные сандаловые деревья были слишком красивы, и их было жалко. Побродив, они нашли в углу несколько недавно посаженных вишнёвых деревьев и решили срубить одно из них.

Хо Линьфэн наклонился, чтобы срубить дерево и сломать ветки, но рядом не было ни звука. Он обернулся и замер. Среди пышной зелени и пятен света Жун Лююнь с серьёзным видом собирал цветы.

<http://bllate.org/book/16167/1449440>